

Erich Berneker, SLAVISCHES ETYMOLOGISCHES WÖRTERBUCH. Lieferung 1—4. Heidelberg, 1908—1909.

Составленный Миклошичемъ этимологическій словарь славянскихъ языковъ уже значительно устарѣлъ и, насколько мнѣ извѣстно, распроданъ; появленіе новаго труда, посвященнаго тому же предмету, было поэтому въ высшей степени желательно.

Въ словарѣ проф. Бернекера даются этимологіи словъ, входящихъ въ составъ „языковъ“ древне-церковно-славянскаго, великорусскаго, малорусскаго, болгарскаго, сербо-хорватскаго, словинскаго, чешскаго, польскаго, верхне-лужицкаго, нижне-лужицкаго и полабскаго. Кромѣ того приводятся такія бѣлорусскія, словацкія и кашубскія слова, которыя или отсутствуютъ въ великорусскомъ, чешскомъ и польскомъ языкахъ, или же отличаются отъ соотвѣствующихъ словъ этихъ языковъ своею формою или своимъ значеніемъ.—Формы церковно-славянскія, малорусскія (и бѣлорусскія), болгарскія и сербскія даются въ латинской транскрипціи, между тѣмъ какъ великорусскія формы, главнымъ образомъ, въ виду глубокой пропасти между графикой и произношеніемъ, сохраняютъ у Бернекера свой русскій прифтъ. Относительно бѣлорусскихъ (и малорусскихъ) словъ говорится на 4 страницѣ, что они даются въ *фонетической* транскрипціи, но въ дѣйствительности эта „фонетическая“ транскрипція заключается почти только въ томъ, что русская буква замѣняется соотвѣствующимъ знакомъ латинскаго алфавита, ср. напримѣръ, бѣлорусское *bolván, bolona, bubnič, doróbka, dzerháč*. Авторъ самъ навѣрно соглашается, что такая транскрипція не можетъ считаться фонетическою (и *bubnič*, вѣроятно, даже простая опечатка или описка вмѣсто *bubnič*, ср. напримѣръ, бѣлор. *hadańina*); но лица, незнающія особенностей русскихъ акающихъ говоровъ, этимъ вводятся въ заблужденіе.—Что касается графики праславянскихъ формъ, то поводъ къ недоразумѣніямъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ даетъ передача такихъ словъ, которыя въ древне-церковно-славянскихъ текстахъ имѣли бы *рѣ* (*ri*) или *лѣ* (*li*) между согласными. Ср. *byllati* (р. *болтати*, слов. *bólt, p. bellac*), *dlbq* (р. *долбитъ*, болг. *дълб*, серб. *дубѣм*, слов. *dólbem*, чеш. *dlubu, p. dlubie*), *dlgь* (пресл. *длгь*, р. *долтй*, болг. *дълм*, серб. *дѣп*, слов. *dólg*, чеш. *dlohý, p. dlugi*, врхлуж. *dołhi*), *drdati* (чеш. *drdati*), *drdoriti* (болг. *дрдѣрил*, серб. *дрдѣати*, слов. *drdrati*) *drvati* (серб. *дрѣати*), *drmati* (серб. *дрмати*, слов. *drmati*, чеш. *drmlati*), *drmeti* (серб. *дрмѣм*), *drpati* (болг. *дрпам*, серб. *дрпѣм*, слов. *drpat*), *drskati* (слов. *drskati*). Слависты, конечно, знаютъ, что съ такимъ же правомъ

можно приписывать славянскому праязыку формы *biltati, dǎlbo, dǎlgo, dǎrdati, dǎrdariti, dǎrlati, dǎrmati, dǎrmēti, dǎrpati, dǎrskati*; но въдъ словаремъ Бернекера будутъ пользоваться не одни слависты, и поэтому во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ этого рода желательна такая оговорка, какую находимъ, на примѣръ, подъ *dǎlgo*.—Формы другихъ индо-европейскихъ языковъ авторъ въ общемъ даетъ въ транскрипціи Бругмана, уклоняясь отъ нея только въ мелочахъ. Такъ, на примѣръ, въ древнеирландскихъ формахъ Бернекеръ замѣняетъ, слѣдуя предложенію Гирта, акутъ рукописей обычнымъ знакомъ долготы, даже въ дифтонгахъ, на примѣръ, *doini* стр. 182, *gual* стр. 293. Я предпочелъ бы сохраненіе акута. Въдъ есть такіе случаи, въ которыхъ употребленіе акута въ значеніи знака долготы, по крайней мѣрѣ, сомнительно, ср. на примѣръ, *dliged* „долгъ“ въ Вюрцбургскихъ глоссахъ 10 d 16 вмѣсто обычнаго *dliged* (вмѣсто чего Бернекеръ почему-то даетъ *dligid*, т. е., форму род. п. ед. ч.) съ *li* (съ краткимъ *i*) изъ *l*, или род. п. *nime* „неба“ (къ *nem* „небо“) въ Миланскихъ глоссахъ 106a3 вмѣсто обычнаго *nime*. Тогда какъ Thurneysen этимъ словамъ приписываетъ долговатое *i* (*Handbuch des Altirischen* I 30), ср. также Pedersen, *Vergl. Gramm. d. kelt. Spr.* I 300 сл., Vendryes не признаетъ никакой долготы въ такихъ случаяхъ (*Grammaire du vieil-irlandais* 18 сл.). И что касается дифтонговъ, то въ рукописяхъ, какъ извѣстно, акутъ ставится безразлично то надъ первую, то надъ вторую (напр. *doini* „люди“) составною частью двугласныхъ; ср. также, на примѣръ, *treuin* „сильные“ (къ им. п. ед. ч. *trén*) въ Вюрцбургскихъ глоссахъ 27a6 (неужели Бернекеръ писалъ бы: *treūin*?). Въ виду этого, Турнейзенъ въ своемъ *Handbuch* въ дифтонгахъ *ai, oi, ui* ставитъ акутъ надъ *i* (такъ напр. и въ *doini*!), отличая такимъ способомъ эти дифтонги отъ *ai, ái, oi, ói, ui, úi* (т. е. отъ *ā, ō, ū*, за которыми слѣдуетъ переходный гласный *i*) и, повидимому, не полагая, что *oi* (напр. въ *doini*) представляетъ собою *ōi* (т. е., дифтонгическое сочетаніе *ō* съ *i*), какъ это выходитъ по транскрипціи Бернекера (о значеніи акута надъ дифтонгами ср. грамматику Педерсена I 291 сл.).—По поводу той же древнеирландской графики укажу еще, что въ поправкѣ нуждается стр. 23, строка 1, гдѣ читаемъ: „*air. abhall, ubhal; mir. aball, uball*“; извѣстно въдъ, что въ древне-ирландскомъ звонкій билабиальный спирантъ обозначается только буквой *b*, между тѣмъ, какъ *bh* въ этомъ смыслѣ начинается употребляться въ болѣе позднюю эпоху, и поэтому слѣдуетъ читать: „*air. aball, uball, mir. abhall, ubhal*“.—Латышскія формы авторъ въ общемъ передаетъ

въ правописаніи Биленштейна (слѣдую примѣру Бругмана), но при этомъ недостаточно серьезно относится къ дѣлу. Какъ извѣстно, въ латышскомъ литературномъ языкѣ и въ большей части говоровъ гласные *a* и *e* передъ *r*, за которымъ слѣдуетъ еще согласный, удлиняются при длительной и нисходящей интонаціяхъ, а остаются краткими (а \bar{a} и \bar{e} сокращаются) при прерывистой интонаціи, между тѣмъ какъ въ западной Курляндіи это удлиненіе происходитъ также при прерывистой интонаціи; и только въ небольшой части курляндскихъ говоровъ *a* и *e* сохраняютъ свою краткость (а \bar{a} и \bar{e} сокращаются) въ указанномъ положеніи при всякой интонаціи. Между тѣмъ, Биленштейнъ, не представляя себѣ ясно положенія дѣла, даетъ въ такихъ случаяхъ то краткое, то долгое *a* или *e* безъ всякой послѣдовательности (которая не соблюдается вполнѣ также въ словарѣ Ульмана, хотя въ общемъ онъ въ этомъ отношеніи гораздо правильнѣе грамматики Биленштейна); и эта путаница у Биленштейна побудила Лескина въ *Ablaut der Wurzelsilben* и въ *Bildung der Nomina* писать въ такихъ случаяхъ вездѣ краткое *a* и *e*. Это, пожалуй, удобно для автора, но врядъ ли соответствуетъ требованіямъ научной точности. Нѣтъ вѣдь никакого основанія приводить въ качествѣ общелатышскихъ формъ такія формы, которыя свойственны только сравнительно немногимъ говорамъ: нельзя тутъ ссылаться на большую древность краткости, такъ какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ (какъ напр. въ *serde* „сердцевина“) краткость можетъ восходить къ индоевропейской долготѣ. Наконецъ, можетъ оказаться, что извѣстное слово вовсе не встрѣчается въ тѣхъ говорахъ, которые повсюду имѣютъ краткое *a* и *e* въ указанномъ положеніи, но только въ тѣхъ говорахъ, въ которыхъ эти гласные при указанныхъ условіяхъ удлиняются; а такъ какъ Лескинъ (и за нимъ часто и Бернекеръ) обыкновенно даетъ въ такихъ случаяхъ краткій гласный, то они рискуютъ приводить также несуществующія формы. Между тѣмъ какъ Лескинъ даетъ вездѣ одну краткость, Бернекеръ почему-то иногда наряду съ краткостью даетъ и долготу, ср. напр., „le. *ba'rda*, dial. *bārda*; ...abweichend... le. *ba'rsda*“ (стр. 73), „le. *ze'rms*, *ze'rme*; dial. *zērme*“ (стр. 169); а одну краткость встрѣчаемъ, на примѣръ, въ „*ze'rpū*“ (стр. 170), „*ze'rtu*“ (стр. 172), и одну долготу, на примѣръ, въ „*schkērpēle*, *schkērpis*“ (стр. 147). Читая это, несвѣдущее лицо должно подумать, что въ однихъ словахъ всѣ латышскіе говоры имѣютъ $\bar{e}r$ или $\bar{a}r$, въ другихъ же—всѣ имѣютъ *er* или *ar*, въ третьихъ, наконецъ, рядомъ съ *er* или *ar* діалектически имѣется также $\bar{e}r$ или $\bar{a}r$; а такое заключеніе,

какъ видно изъ вышесказаннаго, было бы ошибочно. И такъ, ясное дѣло, что при передачѣ латышскихъ словъ съ *er* или *ar* слѣдуетъ держаться произношенія литературнаго языка и большинства говоровъ (и писать, значить, напримѣръ, всѣ приведенныя мною слова только съ долгою), при чемъ можно—съ извѣстнымъ рискомъ—руководствоваться словаремъ Ульмана. Если обозначеніе количества оказалось довольно сбивчивымъ, то это еще болѣе или менѣе сносно; но обозначеніе латышскихъ интонацій представляетъ собою сплошное недоразумѣніе. Бернекеръ различаетъ, по примѣру Биленштейна и Ульмана, только двѣ интонаціи, между тѣмъ какъ для языковѣдовъ несравненно важнѣе знать всѣ три интонаціи латышскаго языка. Но для этого приходилось бы прибѣгать къ первоначальникамъ, а этого мы, пожалуй, не вправѣ требовать отъ автора славянскаго этимологическаго словаря; можно было бы мириться съ обозначеніемъ лишь двухъ интонацій, если бы хотя эти двѣ интонаціи обозначались съ надлежащею точностью. Съ перваго взгляда дѣло въ этомъ отношеніи обстоитъ даже идеально: вѣдь Бернекеръ обозначаетъ интонацію рѣшительно во всѣхъ приводимыхъ имъ латышскихъ словахъ (въ такихъ случаяхъ какъ въ *balsins*, стр. 71, отсутствіе всякаго диакритическаго знака надъ первымъ слогомъ въ графикѣ Биленштейна, Ульмана и Бернекера придаетъ этому слогу длительную интонацію)! Въ дѣйствительности же, какъ ни парадоксально это, эта мнимая исправность только умалываетъ доброкачественность труда Бернекера. Смѣю увѣрять автора, что ни одинъ латышь не знаетъ интонацій *всѣхъ* словъ въ словарѣ Ульмана (тѣмъ менѣе могъ ихъ знать нѣмецъ Ульманъ): вѣдь тамъ даются не только общеупотребительныя, но и областныя и устарѣлыя, взятая изъ старыхъ словарей слова! И такъ какъ Биленштейнъ и Ульманъ (а за ними и Бругманъ и Бернекеръ) обозначаютъ длительную интонацію въ дифтонгахъ (Ульманъ также въ долгихъ гласныхъ) отсутствіемъ всякаго диакритическаго знака, то у нихъ такіе слоги съ длительною интонаціею ничѣмъ не отличаются отъ слоговъ съ неизвѣстною интонаціею, а такая графика, конечно, не можетъ считаться научной. Кромѣ того, отсутствіе знака ударенія у Ульмана во многихъ случаяхъ можетъ считаться простою опечаткою или ошибкою; наконецъ, Ульманъ могъ кое-гдѣ въ лично ему неизвѣстныхъ словахъ принимать за длительную интонацію ту нѣсколько похожую на нее восходящую интонацію, которая въ части восточно-латышскихъ говоровъ соотвѣтствуетъ прерывистой интонаціи. И апострофъ у Ульмана не всегда непременно указываетъ на прерывистую интонацію:

съ одной стороны, онъ можетъ быть опечаткою (вѣдь читаемъ мы у Ульмана, напр., даже *diloht*, *dilons*, *dihums!*), а съ другой—обозначать ту нисходящую интонацію, какая въ восточно-латышскомъ нарѣчїи замѣняетъ длительную интонацію прочихъ говоровъ (доказательствомъ тому могутъ служить *Lettische Dialekt-Studien* Бедценбергера, гдѣ на стр. 5¹ изъ восточно-латышскаго Зессвегенскаго говора приведены, напримѣръ, формы *ma'lna* и *júres*: знакъ прерывистой интонаціи тутъ обозначаетъ только нисходящую интонацію, правильно замѣняющую собою въ этомъ говорѣ длительную интонацію ниже-латышскихъ говоровъ). А если это такъ, то для обозначенія латышскихъ интонацій словаремъ Ульмана (и отчасти и грамматикою Биленштейна) очевидно можно пользоваться развѣ только наряду съ другими болѣе надежными источниками (а такіе вѣдь имѣются!). Изъ многочисленныхъ заблужденій относительно интонаціи, вызванныхъ слишкомъ легковѣрнымъ отношеніемъ къ словарю Ульмана, я тутъ укажу лишь нѣсколько примѣровъ: *dikt* стр. 200 (= *dihkt* у Ульмана) имѣетъ въ дѣйствительности по П. Шмидту (Сборникъ Отдѣл. русск. яз. и слов. Имп. Акад. Н., т. LXVII) нисходящую интонацію; *darwa* стр. 214 (= *darwa* у Ульмана и Биленштейна) извѣстно какъ П. Шмидту, такъ и мнѣ только съ прерывистою интонаціею, на которую указываетъ и краткость гласнаго *a*; *alnis* стр. 263 (= *alnis* у Ульмана) имѣетъ по П. Крумбергу (*Magazin der lett.-liter. Ges.* XVI 2, 62 сл.) прерывистую интонацію, какъ и *eschka* стр. 275 (= *eschka* у Ульмана) по указанію того же П. Крумберга (опечаткою, должно быть, слѣдуетъ считать *dai'sch* стр. 194 въ виду *dai'tsch* у Биленштейна и Ульмана). Итакъ, для того, кто желаетъ пользоваться только трудами Биленштейна и Ульмана и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дорожить научною истинною, остается лишь одинъ выходъ: вовсе не обозначать интонаціи, но только количество, какъ это дѣлаетъ Лескинъ. А въ такомъ случаѣ вмѣсто *i* и *ē*, *ü* и *ō* безусловно нуженъ нейтральный знакъ (въ родѣ *ĕ*, *ŭ*) для обозначенія сложныхъ звуковъ *ia* и *ua* съ неопредѣленною интонаціею, тѣмъ болѣе что *i* (у Бернекера весьма похожее на *i*) и *ē* въ лингвистической литературѣ довольно часто искажаются въ *i* и *ē* (средневѣковое: *graeca sunt, non leguntur* для нѣкоторыхъ языковѣдовъ замѣнено правиломъ: *lettica sunt, negleguntur*); *ee* же и *oh* Ульмана часто принимаются за *ē* и *ō* (такъ, наприм., въ словарь Миклошича вмѣсто *ee* Ульмана постоянно, кажется, пишется *ē*, и въ такомъ *ē*- въ *ēdzēris* у Миклошича подъ *ja*, = *ēedzēhris* у Ульмана, польскій лингвистъ Розвадовскій, *Rocznik Slawistyczny* II, 102⁵, усматри-

ваетъ индоевропейскій предлогъ *ē!*). Пока же, къ сожалѣнію, безъ тщательной провѣрки нельзя пользоваться формами, приводимыми Бернекеромъ.—Гораздо лучше обстоитъ дѣло съ литовскимъ языкомъ, интонація котораго обозначаются какъ у Куршата. Досадно, однако, встрѣчать при этомъ формы въ родѣ *āpusze* стр. 32 (вмѣсто *āp-*) или *kamānē* стр. 167 (вмѣсто *kamanē* Куршата); да и *dūti* стр. 178 и *dūbi* стр. 238 я безъ увеличительнаго стекла не могу не прочесть какъ *dūti* и *dūbti*: настолько у Бернекера въ нихъ *ū* похоже на *ü* (тамъ же слѣдуетъ читать *dūbli* вмѣсто *dubli*)! Формы прочихъ индоевропейскихъ языковъ Бернекеромъ приводятся въ томъ порядкѣ, въ какомъ эти языки разсматриваются въ сравнительной грамматикѣ Бругмана: начиная съ санскрита и кончая галтійскими формами. Въ виду близкаго сродства славянскихъ и балтійскихъ языковъ, скорѣе слѣдовало начинать съ формъ балтійскихъ языковъ, за исключеніемъ развѣ тѣхъ случаевъ, когда славянскія формы стоятъ ближе къ формамъ какого-нибудь другого языка, чѣмъ къ формамъ балтійскимъ. Досадно вѣдь читать, напримѣръ, какъ слав. *gnida* сопоставляется прежде всего съ арм. *anic*, гр. *κοίς*, алб. *ḡevī* (какъ Бернекеръ пишетъ вмѣсто *ḡevī*), лат. *lens*, ирл. *zned* и др., и только въ самомъ концѣ съ точно соответствующимъ латышск. *gnīda*.

Нельзя не соглашаться съ принципами Бернекера въ подборѣ соответствующихъ словъ: „Die idg. Entsprechungen der slavischen Wörter sind mit Auswahl gegeben, in dem Sinne, dass immer die genaueren Entsprechungen vor den entfernteren bevorzugt werden. Auch wird ein Wort nicht durch alle Glieder eines Sprachzweiges durchverfolgt, sondern im allgemeinen wird eine Sprache als der Vertreter eines Sprachzweiges genommen... Im ...Baltischen war grössere Ausführlichkeit am Platze (стр. 6)“. При близкомъ сродствѣ славянскихъ и балтійскихъ языковъ такое отношеніе къ балтійскимъ языкамъ совершенно правильно, но на практикѣ авторъ не обнаруживаетъ никакой послѣдовательности въ этомъ отношеніи.

Укажу на нѣкоторые лишь примѣры (вмѣсто многихъ): на стр. 23 даются тождественныя лит. *obūlys* (*u obūlas*) и латышск. *abūlis* (имѣется также *abūls*), на стр. 25—тождественныя лит. *ūga* и латышск. *ūga*, но, напр., на стр. 77 почему-то приводится только лит. *bāsas*, хотя существуетъ и латышск. *bass*. Читатель же послѣ предыдущихъ примѣровъ можетъ подумать, что изъ балтійскихъ языковъ только литовскій знаетъ слово, соответствующее слав. *basъ*. Упомянуть о ла-

тышск. *bass* слѣдовало тѣмъ болѣе, что нѣкоторыми, напр. Брюкнеромъ, это балтійское слово считается заимствованнымъ изъ славянскихъ языковъ; а то обстоятельство, что оно извѣстно не только въ литовскомъ, но и въ латышскомъ языкѣ, не доказываетъ, правда, что оно унаслѣдовано изъ индоевропейскаго праязыка, но все-таки (при наличности и другихъ аргументовъ) говорить въ пользу этого, тогда какъ въ пользу того, что напр. лит. *dvaras* заимствовано изъ славянскихъ языковъ, говорить между прочимъ и то обстоятельство, что прочіе балтійскіе языки не знаютъ этого слова. Вслѣдствіе того же близкаго славяно-балтійскаго сродства часто приходится колебаться относительно балтійскихъ словъ, имѣемъ ли мы дѣло съ унаслѣдованнымъ изъ общаго праязыка словомъ, или же съ заимствованиемъ. А поэтому въ славянскомъ этимологическомъ словарѣ слѣдуетъ приводить не только такія балтійскія слова, которыя *могутъ* быть заимствованы, но также такія, которыя, по всей *вѣроятности*, славянскаго происхожденія. Принципіально Бернекеръ, повидимому, съ этимъ согласенъ, такъ какъ онъ приводитъ часто даже такія балтійскія слова, которыя *несомнѣнно* заимствованы, какъ напр. лит. *balvõnas* на стр. 41, или латышск. *bareniņ* (sic!) на стр. 43 (Ульманъ, правда, даетъ эту форму звательнаго падежа вмѣсто единственно правильнаго именит. падежа *bareniņš*, но прискорбно читать это безъ всякой оговорки также въ современномъ научномъ трудѣ). Но на практикѣ онъ часто умалчиваетъ даже о такихъ балтійскихъ словахъ, заимствование которыхъ, положимъ, вѣроятно, но собственно не можетъ быть доказано (такъ напр. подъ *do* на стр. 203 не указано на лит. и латышск. *da-* и латышск. *da*, о которыхъ ср. мои Латышскіе предлоги I, 71 сл.; или подъ *bogatš* на стр. 67 не указано на лит. *bagõtas*, латышск. *bagõts*), или которыя, хотя и заимствованы, не безынтересны для исторіи славянской фонетики (такъ напр. подъ *dšchorš* на стр. 243 не указано на однозначашее латышск. *dukurs*). Изъ многихъ такого рода примѣровъ я опять тутъ привелъ лишь немногіе. А тамъ, гдѣ Бернекеръ говорить о балтійскихъ заимствованияхъ изъ славянскихъ языковъ, не всегда можно держаться его мнѣнія. Вопросъ этотъ, по вышеуказанной причинѣ, довольно труденъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже не можетъ быть рѣшенъ достовѣрно; но все-таки мнѣ кажется, что, меньше полагаясь въ этомъ отношеніи на Брюкнера и относясь къ этому вопросу съ большею самостоятельностью, Бернекеръ кое-гдѣ приходилъ бы къ болѣе правильному выводу. Что латышск. *daba* заимствовано изъ бѣлорусскаго (стр. 204), *credat Iudaeus Apella, non*

его! Съ одной стороны, на высокую древность этого слова въ латышскомъ языкѣ указываютъ какъ соотвѣтствующія формы финскихъ языковъ, заимствованныя по мнѣнію Томсена именно изъ балтійскихъ языковъ (что весьма правдоподобно, такъ какъ ближе всего по формѣ и по значенію стоятъ именно балтійскія слова), такъ и производныя формы въ родѣ *labdabls* (суффиксъ *-lo-* уже пересталъ быть производительнымъ въ латышскомъ языкѣ). Съ другой стороны, изъ всѣхъ славянскихъ формъ только бѣлор. *доба* по своему значенію болѣе или менѣе (да и то не совсѣмъ) походить на латышск. *daba*; а такъ какъ въ бѣлорусскомъ встрѣчаются и другія заимствованія изъ литовскаго языка (ср. напр. бѣлор. *гирса* изъ лит. *girsas* „*bromus secalinus*“: латышск. *dzirši*, лат. *hordeum* и др.), то скорѣе бѣлор. *доба* заимствовано изъ литовскаго языка. А что же приводятъ Брюкнеръ и Бернекеръ въ пользу того, что это балтійское слово заимствовано изъ бѣлорусскаго? Ничего: *sic volunt, sic iubent!*

Столь же мало основанія у насъ для того, чтобы считать латышск. *gadītēs* „случаться“ заимствованнымъ (то же значеніе имѣетъ и лит. *gadytis*, не приведенное Бернекеромъ); по Брюкнеру это такъ „wegen der einander all zu sehr deckenden Bedeutungen“, но вѣдь великор. *годиться* по значенію совершенно расходится съ латышск. *gadītēs*, да и въ бѣлорусскомъ это слово имѣетъ и такое значеніе, котораго нѣтъ въ латышскомъ, и ср. также латышск. *gadīgs* „трезвый“, *negadīgs* „беспорядочный“, изъ которыхъ первое успѣло уже устарѣть. Въ виду этого я по крайней мѣрѣ столь категорически не выдавалъ бы латышск. *gadītēs* за заимствованіе, какъ это дѣлаетъ Бернекеръ. Не согласенъ я съ нимъ и въ томъ, что онъ вслѣдъ за Беценбергеромъ безъ всякой оговорки на стр. 294 выводитъ лит. *gainoti* и *guinoti* и латышск. *gaināt* изъ славянскихъ языковъ. Проф. Беценбергеръ, правда, весьма авторитетный знатокъ балтійскихъ языковъ, но въ данномъ случаѣ все-таки онъ врядъ ли правъ. Возводя эти балтійскія формы къ р. *гонять*, Беценбергеръ считаетъ ихъ *i* (передъ *ñ*) эпентетическимъ, ссылаясь въ подтвержденіе своей мысли на лит. *dainiè* и *kuinas*. Но первое изъ нихъ, повидимому, восходитъ (не къ п. *донца*, но) къ р. *дойница*, а второе—(не къ п. *кони* или къ р. *кони*, но) къ формѣ *куни* или *кузи*, свойственной (по Соболевскому) сѣверно-малорусскимъ и сосѣднимъ съ ними бѣлорусскимъ говорамъ. Итакъ, литовскій языкъ не даетъ убѣдительныхъ примѣровъ для такой ерпthesis, и нѣтъ также общелатышскихъ примѣровъ для нея. Она извѣстна только въ небольшой части латышскихъ говоровъ;

да и тамъ обыкновенно получается не настоящій дифтонгъ (какъ въ греческомъ языкѣ и въ общелатышскомъ *gaiñát*), но нѣчто, должно быть, похожее на соотвѣтствующее явленіе въ Авестѣ и въ древне-ирландскомъ языкѣ (ср. напр. Bezzenberger, Lettische Dialekt-Studien 95 слл.). И никакой epenthesis нѣтъ, наприм., въ заимствованныхъ лит. *añalas*, *blūznīti*, *gunē*, *kaiñušnē*, *kunīcē*, *pinē*, *zvañāti*, *ženītis*, латышск. *branīt*, *zvanīt*. Не въ пользу заимствованія говорить и удареніе балтійскихъ словъ: латышск. *gaiñát* (по П. Шмидту и Биленштейну) = лит. *gaiñoti* (при р. *гоня́ть!* напрасно тутъ Бецценбергеръ ссылается, напр., на латышск. *prāvētis* изъ н. *Prophēt*, такъ какъ въ латышскомъ языкѣ вообще господствуетъ начальное удареніе), рядомъ съ латышск. (*gaiñit* и) *gaiñát* (въ говорѣ П. Крумберга; прерывистая же интонація въ заимствованныхъ словахъ величайшая рѣдкость) = лит. *gaiñoti*. Наконецъ, и по своему значенію латышск. *gaiñát* и *gaiñit(ēs)* расходятся съ р. гоня́ть. А съ другой стороны нѣтъ рѣшительно никакихъ мотивовъ для того, чтобы считать эти балтійскія слова заимствованными. Никакого культурнаго понятія они не обозначаютъ (и латышское слово даже отличается значеніемъ, котораго нѣтъ у р. *гоня́ть*); а по своему образованію это весьма прозрачныя и обычныя формы: это такія же формы многократнаго вида къ глаголамъ *gīñti*, *dzīt* „гнать“ и *gīñti* „отражать“ (о латышск. *dzīt* ср. KZ. 43, 12), каковы наприм. лит. *paiñūti* къ *pīñti*, *lāndžoti* къ *lįsti*, *rāičoti* къ *rīsti*, *brāidžoti* или *brāidīti* къ *brīsti* (*gaiñoti* же относится къ *gaiñoti*, какъ напр., латышск. *lūdāt* къ лит. *lāndžoti*). Что же касается формы *gaiñoti* или *gaiñoti*, то она могла возникнуть контаминаціею формъ *gaiñoti* (*gaiñoti*) и *gūñti*; само же *gūñti* (prs. *gu(i)jū* или *gūñi*, prt. *gu(i)jāñ*) замѣнило собою старое **gūti* (= латышск. *gūt*, prs. *gūju* или *gūnu* или *gūslu*, prt. *gūvu*; относительно значенія ср. *gūstīt* „haschen, jagen“ у Биленштейна Lett. Spr. I, 433) подъ вліяніемъ prs. *gūjū* и prt. *gūjāñ* (вмѣсто **gūvāñ* = лат. *gūvu*, подъ вліяніемъ наст. времени, ср. *gūvūs* „хваткій“; послѣ чего возникли подъ вліяніемъ новаго *gūñti* также формы *gūjū* или *gūñi* (вмѣсто **gūnu* = латышск. *gūnu*) и *gūjāñ*, ср. латышск. *kruitēs* при *kūtēs* (къ *kāūt*) и *muitēs* при *mūtēs*, *mūjātēs* (родственные формы можно найти у Walde подъ *mooeo*). Нѣтъ также достаточнаго основанія считать заимствованными лит. *geñoti* (которое относится къ *genū*, какъ напр. *nešoti* къ *nešū*), *gūñti* и пр. *guntwei*.—Съ другой стороны, есть случаи, гдѣ не оговорена возможность заимствованія. Такъ на стр. 191 выдается

за заимствование лит. *dėdas* (sic! по Юшкевичу и Mitteil. d. lit. liter. Ges. II, 127 слѣдуетъ писать: *dėdas*), а лит. *dėdė* „дядя“ почему-то считается исконно литовскимъ словомъ, что врядь ли правильно (унаслѣдовано, вѣроятно, только *avinas* въ этомъ значеніи), между тѣмъ какъ на родственное латышск. *dėdēt* „старѣть, ветшать, вывѣтриваться“ не указано.

Насколько авторомъ соблюдена филологическая точность въ области славянскихъ языковъ, и насколько имъ достигнута полнота по этой части, объ этомъ пусть судятъ представители славянской филологіи. Я тутъ укажу лишь на то, что авторъ, по мѣрѣ возможности, обозначаетъ также удареніе и интонацію въ славянскихъ (но не въ праславянскихъ) словахъ, чего мы не видимъ у Миклошича. Выгодно отличается этотъ новый словарь отъ своего предшественника также указаніями на литературу по этимологіи отдѣльныхъ словъ и гораздо болѣшимъ использованіемъ родственныхъ языковъ.

Слѣдуютъ замѣтки къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ словамъ. Подъ слав. *berga* не упомянуты осет. *bārz(ä)* и латышск. *bērza* „береза“ (Elvers, Liber memorialis Letticus 102).

Что п. *bez* утратило смягченіе начальнаго *b*—въ проклитическомъ положеніи, въ пользу этого говорятъ также аналогичныя явленія въ родственныхъ языкахъ: латышск. *gar* изъ *gar* „вдоль“ и *dēl* изъ *dēl* „ради“ (ср. мои Латышскіе предлоги I, 81 и 94) и др.—ирл. проклитическое *ad-* (подъ удареніемъ: *aith-*) и *ar-* (подъ удареніемъ: *air-*), ср. Pedersen, Vergl. Gramm. d. kelt. Spr. § 175, и Rozwadowski, Rocznik Slawistyczny II, 81 слл.

Подъ *bliz* слѣдовало указать на лит. *blīžoti* „woran geschmiegt daliegen“.

Подъ *bloditi* не указано на латышск. *blāndītēs* „шляться“, *blandis* „бродяга“ (Ульманъ даетъ также однозначащія *blūdītēs*, *blūdis*, гдѣ *l*, можетъ быть, ошибочно вмѣсто *l*), *blinda* „ein Unstätter, der nirgends Stich hält“.

Если *brin* восходитъ къ **b(h)reid(h)nos*, то оно скорѣе родственно съ албан. *brēd-* „Tanne“, если его *e* получилось изъ *oi*.

Подъ *buchati* 2. не указано на латышск. *būsis* „филинг“.

Подъ *buza* 2. можно было указать еще на др.-ирл. *bus* „губа“, англ. *buss* „поцѣлуй“; скорѣе всего мы тутъ имѣемъ дѣло съ такими же звукоподражательными формами, каковы и болг. *бацам* „цѣлую“, итал. *bacciare* „цѣловать“, лат. *bāsium* „поцѣлуй“, санскр. *cumbati* „цѣлуется“.

Подъ *būbali* не приведены латышск. *bubināt* „тихо бормотать, ржать“, лит. *būbtī* „ворчать“ и др., нижненѣм. *rupen* „pedere“, лат. *bubere*.

Подъ *būšv* слѣдовало упомянуть о латышск. *būsa* „бочка“ и *būcis* „верша“ (Deenas Lapas etnograf. peelikums III, 162).

Считать р. *буоръ* заимствованнымъ врядъ ли позволительно въ виду тождественнаго съ нимъ по формѣ (и вѣроятно и по значенію) латышскаго *baugurs*, которое мнѣ извѣстно изъ Deenas Lapas etnogr. peelikums III, 161; *bauga* (въ Лезернѣ) = ...*stāvs celiņš* (=крутая тропинка), *baugurs*, *uzkalnis* (=холмъ)“. Ср. также *bugurains* „горбатый“.

Съ р. *борщъ* и др., можетъ быть, родственно или даже тождественно латышск. *burkšis* (или *burksnis*; *k* въ нихъ можетъ считаться вставнымъ) „*aegorodium podagraria*“ (растение того же семейства *umbelliferae*, какъ и борщъ; Klinge говорить о немъ въ своей *Flora von Est-, Liv-und Curland*, 528: „Die Blätter können als Gemüse gegessen werden“); *burkšis* можетъ восходить къ **bur(k)škis* (изъ **burstis*, g. s. **burška*; ср. напр. *īkstis*, g. s. *īkška*, >*īkškis* > *īkšis*).

Подъ *burt* слѣдовало упомянуть о лит. *būrtas* или (псалтырь 1625 г., пс. 16, 6) *būrtla* „жребій“, латышск. *būrtas kūks* „бирка“, ср. статью Потебни (Жив. Стар. 1891 г., III, 119 сл.) и Микколы (Сборн. въ честь Ягича 362).

Подъ *сѣна* авторъ приводитъ лит. *kainė* и *pus-kainū*, но прибавляетъ: „nach Brückner A. 29, 110 sind die lit. Wörter erfunden“. Такъ неужели проф. Бернекеръ придаетъ in *Balticis* такое значеніе всяческимъ догадкамъ этого польскаго слависта (того самаго, который счелъ возможнымъ легкомысленно обвинять Рамулта въ подлогѣ кашубскихъ формъ, ср. сборникъ статей, посвящ. Ф. Θ. Фортунатову, 568¹, и который, насколько мнѣ извѣстно, никогда не занимался изученіемъ литовскихъ говоровъ и ихъ лексики)? Какъ мнѣ сообщаетъ молодой литуанистъ Каз. Каз. Буга, существуютъ формы *kainà* „цѣна“ (g. s. *kainōs*, a. s. *kainą*) въ Ольсядахъ (въ оборотѣ: *menkà kainà*) и *kainė* въ рукописномъ словарѣ Д. Пашкевича I четверти XIX вѣка, ср. *Draugija* II, 60 сл.

Подъ *съръ* приводится въ числѣ другихъ формъ также латышск. *kērpis* „einer, der gern zugreift, ein Dieb“; какъ по значенію, такъ и по формѣ (съ *k* и краткимъ *e*) это латышское слово скорѣе родственно съ латышск. *kērt* „хватать“.

Лит. *pīrm-vakarīs* нисколько не доказывает (стр. 173), что лит. *kīrvarpa* (рядомъ съ *kīrm-varpa*) получило не изъ *kīrm-varpa*, но изъ **kīrv-varpa*, такъ какъ значеніе слова требуетъ сохраненія *m* въ *pīrm-vakarīs* (**pīrvakarīs* было бы непонятно).

Весьма правдоподобно, что р. *деревня* родственно съ лит. *dirvā* „пашня“; но вмѣсто того, чтобы сопоставлять эти слова съ санскр. *ḍīrvā* „просо“, средне-нижненѣм. *terwe* „пшеница“ и др., которыя по своему значенію слишкомъ расходятся съ славяно-балтійскими формами, я произвожу ихъ отъ глагольнаго корня *der-*, откуда и р. (*роз*)*дѣрть* (ср. также однозначашее латышск. *plēsums* отъ *plēst* „драть, рвать“).

Подъ *dogā* не приведено единственное, кажется, соотвѣтствіе: латышск. *dandzīs* „косякъ (въ колесѣ)“.

Подъ *dročiti* можно было указать на лит. *išdrikūmas* (надменность?) у Даушки Post. 47, 5 (*be lapūmo ir išdrikūmo*), *drākas* „хищный, задирчивый, задорливый, сварливый, буянъ“, *drakūs* „ловко прыгающій“, *drikli* „шалѣть, бѣситься“ (у Юшкевича), латышск. *dracītēs* или *dracātes* „sich unbändig gebärden, toben“, *dracāt* „anspornen, antreiben“, *drakātēs* „toben, tanzen“ (рядомъ съ *drok-* стоитъ однозначашій корень *trok-: trek-*).

Подъ (*раз-*)*ducha* слѣдовало указать на замѣтку Зеленина о р. *дуика* (Изв. Отдѣл. русск. яз. и слов. VIII 4, 258). Можетъ быть, славянскія формы этого слова объясняются слѣдующимъ образомъ. Можно допустить, что существовали рядомъ однозначашія **pa-ducha* (ср. латышск. *paduse*) и форма, соотвѣтствовавшая лит. *pažastis*, и что затѣмъ путемъ контаминаціи обѣихъ формъ возникло *ražucha* (какъ въ восточно-латышскихъ говорахъ *ražuse* путемъ контаминаціи однозначашихъ формъ *paduse* и заимствованнаго *ražuka*) и далѣе *ražducha* смѣшеніемъ формъ *ražucha* и **raducha*. Что же касается гипотезы Педерсена (IF. 26, 292 сл.), по которой *-dd-* въ славянскомъ даетъ *-z-*, и *ražucha* изъ **rad-ducha*, то она столько же смѣла, сколько и невѣроятна: примѣры, представленные Педерсеномъ для перехода *-dd-* въ *-z-*, не доказательны (къ чему я намѣренъ вернуться въ другомъ мѣстѣ), и *-zd-* изъ *-dd-* мы имѣемъ (на что мнѣ указалъ проф. Ильинскій) въ р. *промоздитъ* (при *промада*).

Подъ *dvigati* говорится, что сопоставленіе его съ др.-верх.-нѣм. *zwigōn* „klemmen, zwicken“ „wird durch die Bed(eutung) nicht empfohlen“. Но ближе по значенію стоятъ средне-верх.-нѣм. *zwic* „stoss“ и др.-англ. *twiccian* „to twitch“.

Откуда авторъ взялъ лит. а. pl. *dūris* „двери“ (стр. 242) вмѣсто единственно правильнаго *duris*?

Подъ *dubrs* можно указать на латышск. *dubra* (ср. галльское названіе рѣки *Dubra* п. *Dbra*) „лужа, тонкое мѣсто“ (Deenas Lapas ethnogr. peelikums III, 1) и прилагательное (?) **dubrs* въ g. s. *dubras zemes* BW. (=Latwju dainas) 14425, 4.

На стр. 265 (подъ *imati*) авторъ даетъ др.-ирл. *air-ema* „suscipiat“ и (безъ звѣздочки) *air-fo-emim* „sumo“ (должно быть, по словарю Stokes'a, который почти вовсе не отличаетъ формъ только предполагаемыхъ отъ засвидѣтельствованныхъ); послѣдняя изъ нихъ не засвидѣтельствована, но, какъ показываетъ ея звуковой составъ, только предполагается для ирландскаго праязыка въ виду, напримѣръ, формъ *ar-foim* „принимаетъ“, *ar-roit* „онъ принялъ“, **airema* „suscipiat“ и др. (смягченіе *r* въ послѣдней формѣ указываетъ на ударяемость начальнаго *a*, а это показываетъ, что эта форма не существуетъ самостоятельно, но въ сложеніи съ какимъ-нибудь предшествующимъ словомъ, такъ что слѣдуетъ писать не *air-ema*, но **airema*).

Статейка Vollmer'a въ Glotta I, 113 слл. только возбуждаетъ сомнѣніе въ томъ, насколько ученіе древнихъ грамматиковъ о долготѣ *e* въ латинскомъ *est* „бѣтъ“ соотвѣтствовало дѣйствительности, но нисколько не доказываетъ краткости этого *e*, какъ это выходитъ по Бернекеру стр. 273. Тутъ же др.-ирл. **estar* въ *ciniestar* „et si non edit“ по словарю Stokes'a выдается за III л. ед. ч. сигматическаго будущаго, между тѣмъ какъ теперь оно считается формой субъюнктива наст. времени, ср. Thurneysen, Handbuch des Alt-irischen II, 50.

Къ родственнымъ съ *gadati* формамъ можно было прибавить санскр. *gadati* „говорить“ (Trautmann, German. Lautgesetze 23) и латышск. *gādāt* „думать“ (BW. 21620, 4), „заботиться“.

Подъ *glēmyždžь* можно было указать на лит. *gliemežys* „mussel-fish, shellfish“ въ словарѣ Lalis'a; ср. также латышск. *glēmēzis* „улитка“ у П. Шмидта.

Ближе всего къ *glēdati*, *glēdēti* стоитъ латышск. *glēndi* „оглядывай“ BW. 27409, 1 (изъ Цираускаго говора).

Къ *Dentalerweiterungen und -ableitungen*“ корня *glēi-* (подъ *glīsta*) авторъ прежде всего причисляетъ гр. γλιττόν (=γλοιόν) у Гесихія, возводя, повидимому, γλιττόν къ **glitjom*, что, однако, возможно лишь въ томъ случаѣ, если это форма бэотійскаго или критскаго говора; а такъ какъ мы этого не знаемъ, то естественнѣе (въ виду глагола

γλίχομαι) выводить γλιττόν изъ *γλιχјόν, такъ какъ ττ изъ χј шире распространено, чѣмъ ττ изъ τј.

Подъ *glumъ* слѣдуетъ исправить опечатку: le... *glums*; известна только форма съ краткимъ *и*.

Параллельно съ *glus-* въ *gluchngti* (ср. р. *мухая* ночь и п. *gtuchy* „глухой, тихій“) стоитъ латышск. *klus-* въ *kluss* „тихий“.

Подъ *golēmъ* можно указать и на латышск. *galđit* (интонація такова по Крумбергу) „ausbolstern“ (что вѣроятно=auspolstern) и *galđitēs* В W. 23955 (*ka dzeivōju pi māmeņis, kai pūpeņa gal'dejūs* „когда я жила у матушки, я словно бобина *gal'dejūs*“, что вѣроятно=толстѣла, откармливалась).

Этимъ я заканчиваю свою рецензію. Я указалъ на пробѣлы, неточности и погрѣшности въ словарь Бернекера, которыя, однако, при современномъ положеніи нашей науки почти неизбежны. Поэтому само собою разумѣется, что эти недостатки не заставляютъ меня относиться къ этому словарю только отрицательно. Въ похвалахъ же съ моей стороны солидный трудъ проф. Бернекера не нуждается, особенно послѣ лестныхъ отзывовъ со стороны такихъ выдающихся представителей нашей науки, каковы Ягичъ и Meillet. Безспорно то, что эта книга будетъ весьма полезна и въ значительной степени будетъ способствовать дальнѣйшей разработкѣ славянской этимологіи: нѣкоторое оживленіе въ этой области уже замѣтно послѣ появленія этихъ первыхъ выпусковъ. Съ величайшимъ интересомъ будемъ слѣдить за продолженіемъ этого труда.

Вышелъ уже и пятый выпускъ этого словаря.

Къ р. *бугоръ*. Также у П. Шмидта дается латышск. *baugurs* „возвышеніе, бугоръ“.

За неимѣніемъ буквы, посредствомъ которой Биленштейнъ и Бернекеръ обозначаютъ въ латышскихъ формахъ звонкій свистящій спирантъ (= русск. з), я при чтеніи корректуры долженъ былъ замѣнить ее въ цитатахъ изъ словаря Бернекера буквою *з*.

Не оказалось (въ сербо-хорватскихъ и словинскихъ словахъ) также *л* съ диакритическими знаками для передачи интонаціи и количества.

И. Эндзелинъ.